

Общая газета. — 1997. —

СОВРЕМЕННЫЕ
МЕМОАРЫ

Все мы немножко

Кузькины

6-12 марта. — с. 11

Юрий ЛЮБИМОВ

Годовщину смерти Бориса Можаява Таганка отметить не сможет. Хотя надо бы, конечно, сыграть «Живого», уж больно замечательно вещь написана. Но исполнитель главной роли уехал зарабатывать деньги. Ничего не поделаешь: такие времена.

Мы долгие годы дружили. Ездили домой к жене Можаява Милде, в Прибалтику. Собирали ягоды и колдовали над домашним вином. Борис Андреевич научил меня солить лосося и есть строганинку. Золотые, незабываемые, раз и навсегда ушедшие времена.

А началось все с того, что я пришел к своему другу Николаю Робертовичу Эрдману и услышал:

— Ю-ю-ра, вы ч-читали «Козлотур» Искандера? — Эрдман заикался. Как я тогда шутил, от советской власти. — Оч-чень интересная вещь, надо почитать. И вот еще повесть, тоже п-почитайте, — и протянул мне «Из жизни Федора Кузькина». Я послушался, прочел «Кузькина» и попросил, чтобы нас познакомили.

При первой встрече Можаяв смотрел на меня очень настороженно и почему-то все время напирал на то, что МХАТ тоже хочет ставить эту вещь. Я посоветовал посмотреть что-нибудь из нашего репертуара. Это только теперь, из воспоминаний, опубликованных в «Новом мире», я узнал, что Бориса Андреевича долго отговаривали от общения с Таганкой. Обо мне тогда шла молва как о мелком эпатажнике и модернисте. Кроме того, утверждали, что настоящая моя фамилия — Либерман. А разве может Либерман понять русскую душу и полюбить русскую деревню? Но Можаяв остановился на Таганке, началось варено, какое всегда начинается, когда повесть переводят на сцену. Все были молоды, задорны, Можаяв очень помогал Золотухину вжиться в роль. А потом спектакль закрыли на двадцать один год.

Когда Демичев в первый раз принимал спектакль, Можаяв сидел рядом со мной и очень странно себя вел: отвлекал Демичева, дергал его, что-то комментировал. А я все думал: почему? А Борис, оказывается, специально тормозил Демичева, чтобы тот не насыщался ненавистью к спектаклю. Демичев делал вид, что принимает спектакль, и бурчал: «Что же это у вас за частушки неправильные...»

— Ого-го частушки, ого-го... О чем разговор, их, знаете, столько, частушек... Заменим. — Можаяв говорил раскатисто, оглаживая бороду, с каким-то необъяснимым чувством собственного достоинства. — Ну вот и славно, очень хорошо, что в целом вы спектакль подерживаете.

Все присутствующие встрепенулись, стали поддакивать: да-да, нам необходима сатира, да-да. Но все старания Бориса Андреевича были зря. А как он надеялся! Мы шли по коридору, в конце которого повешен портрет Чарли Чаплина. И вот мы приближаемся к Чарли Чаплину, и Можаяв ликует, как дите малое, и говорит: «Я у Милды заначил пятьсот рублей, сейчас возьмем чего-нибудь и отметим». А я, тертый калач, сомневаюсь: «У, Борис, не торопись. Это такая пройда, что ничего не стоит и ждать». — «Да брось ты... Все же отлично вышло». Но — не вышло.

В Можаяве до конца жизни чувствовалась особая морская офицерская выправка. Я помню уникальный случай, когда Фурцева в очередной раз не принимала спектакль и Борис Андреевич разошелся: «Как же вам не стыдно. Сядьте!» — властно рыкнул он молодому карьеристу. И к Фурцевой: «Вы посмотрите, вы не понимаете, как это страшно? Вы же карьеристов растите! Вокруг вас нет настоящих людей!» И это Фурцевой! Та обалдела. Все были в шоке минуты полторы, пока Можаяв ораторствовал со всей мощью русского языка. Потом помню, как мы, несмотря на разнос, хотели отметить. Стол накрыли, капустку разложили, закуски всякую понаставили. И был чудный вечер, все были счастливы, что спектакль получился, актеры играли прекрасно, пели русские песни...

За эти два десятилетия я хотел поставить еще несколько можаявских рассказов, но мы с Борисом Андреевичем дали друг другу слово, что пока не пробьем «Кузькина», ничего вместе делать не будем...

Год назад на панихиде по Можаяву многие ораторы говорили, что Борис Андреевич сам был Кузькиным. И мне вспомнилось, как на своей золотой свадьбе Петр Леонидович Капица рассказал, что когда-то волновался за меня, а потом успокоился, поняв, что я — Кузькин. Я шут, артист, это неудивительно, к этому обязывает профессия. Что же это за система такая, в которой все сродни Кузькину!

Нет, Борис, ты не Кузькин. Ты вынужден был быть Кузькиным. Чтобы что-то пробить, что-то сдвинуть в этой проклятой системе. И у тебя получилось.